

АНАЛИЗ ЭТНИЧЕСКИХ КОНСТАНТОВ КАК МЕТОД КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Такенова Гульнур Сериковна

студент 1 курса, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан

Капенова Жанарсын Жуматовна

доцент кафедры русской филологии

Современная лингвистическая полипарадигма, сложившаяся на основе интеграции научных достижений, ориентирует на разноаспектный анализ языковых фактов. Это характерно для концептуальных исследований, когда «границы между дисциплинами, изучающими человека и его язык, разрушаются» [5, с. 8].

Концептуальные исследования — молодое, развивающееся направление, призванное помочь разобраться в сущности языкового феномена на основе сочетания когнитивного, лингвокультурологического, этнолингвистического и других подходов [6, с. 4]. Особенностью концептуальных исследований является проведение лингвистической экспертизы с целью разностороннего описания когнитивной структуры концептов. Это, на наш взгляд, наиболее оптимальное направление, позволяющее рассматривать факты языка в совокупности с общечеловеческими и национально специфическими признаками. В концептуальных исследованиях разработана особая методика, направленная на выявление понятийных, мотивирующих, образных, символических и др. признаков. В контексте данной методики нами представлен анализ этнических константов, способствующий установлению семантического объема концепта, в составе которого имеются признаки устойчивой национальной коннотации. В этой связи предлагается следующее:

1. выявить мотивирующие признаки концепта путем изучения толковых и этимологических словарей;
2. определить «поле» этнических константов, присущих носителям языка и культуры народа. Понятие «поле» этнических константов мы рассматриваем как комплекс концептуальных признаков, отражающих национальную картину мира;
3. рассмотреть место исследуемых константов и концепта в национальной картине мира через изучение исторических, этнографических и культурных данных и проследить их особенности на основе художественного текста.

Среди ключевых понятий выделяются понятия «константа» и «концепт».

Специальным исследованием константов русской культуры занимался Ю.С. Степанов. Термин «константа» определяется ученым как «некий постоянный принцип культуры», «устойчивые концепты культуры» [9, с. 84—85]. В работе М.В. Пименовой «Языковая картина мира» упоминается картина мира, наделенная «этническими константами» [7, с. 102]. Имеющиеся научные результаты позволяют сделать акцент на этот аспект в исследовании концептов.

Термин «концепт» трактуется учеными по-разному. Так, Ю.С. Степанов считает, что концепт — «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [9, с. 43].

В.А. Маслова определяет концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры» [5, с. 56].

По мнению З.Д. Поповой, И.А. Стернина, концепт — это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [8, с. 24] и др.

Несмотря на отсутствие единого мнения в определении данного понятия, взгляды исследователей совпадают в одном — сложной структуре концепта: с одной стороны, его внутренней организованности, многоуровневости, многомерности, многослойности, многоаспектности; с другой — проявлением в его содержании национальной, социальной, индивидуальной специфики. Как видим, в числе основных признаков концепта учеными выделяются национальные особенности, в структуре которого можно выделить этнические константы. Необходимость их рассмотрения продиктовано актуальностью в плане изучения специфичных фрагментов картины мира, отраженных в языке того или иного народа.

Задачей настоящей статьи является анализ этнических константов как метода концептуальных исследований, предполагающий изучение такой ячейки в структуре концепта, которой оперирует носитель языка и культуры в своем восприятии действительности. Объект изучения — этнические константы казахской культуры на примере концепта «род» как одного из ключевых концептов рассматриваемой лингвокультуры. Материалом исследования служит роман-эпопея М. Ауезова «Путь Абая», так как именно в этом произведении, на наш взгляд, с наиболее яркой национальной коннотацией, присущей казахскому народу, представлены все компоненты концепта «род».

Итак, на основе анализа толковых словарей русского языка выявлены мотивирующие признаки концепта «род»: 1) рождение, появление на свет; 2) происхождение; 3) семья, родня, родственники; 4) группы, типы; 5) племя, род; 6) поколение от одного родоначальника; 7) родина, земля, место рождения; 8) народ; 9) человечество; 10) язык; 11) проявление чувств; 12) название божества древних славян; 13) урожай; 14) грамматическая категория; 15) совокупность предметов с общими признаками; 16) совокупность людей по профессии; 17) сорт, разновидность и т. д.

Это признаки, отражающие внутреннюю форму слова и положенные в основу номинации. Рассмотрим такие признаки, которые представляют собой «поле» этнических константов, свойственных казахской лингвокультуре.

1. **Семья, родня, родственники.** Казахскую семью отличают многочисленные и разносторонние родственные связи, которые позволили казахскому народу сохраниться как единое национальное образование. Членами семьи являются бабушка (әже) и дедушка (ата), мать (ана) и отец (әке), родные и двоюродные братья, дяди (аға), сестры (әпке) и тети (апай), свекор (ата) и свекровь (ене), родня по линии матери (нағашы), невестка (келін), сноха (жеңге) и т. п. Родственниками считаются коллективы, связанные общностью хозяйственных интересов, которые играют немаловажную роль в социализации личности. В казахском языке существуют понятия «бір ата» (один дед), «ата ағайын» (деды-братья), «ауыл-аймақ» (весь аул; аул и его окрестности), «айнала» (место вокруг; среда, окружение), «тұқым» (корни), «сүйек» (кость), «ата-баба» (предки), «үлкен үй» (большой дом), «отау» (самостоятельная семья, выделившаяся из отцовского дома; юрта молодых) и др., представляющие собой ряд терминов, обозначающих родство. Всего в казахском языке насчитывается около 120 наименований, обозначающих родственные связи. Отсутствие родственников являлось признаком безродности и бедности. В романе М. Ауезова «Путь Абая» частотны случаи употребления концепта «род» с названными выше признаками: «Он [Кунанбай] догадывался, что сплетни распускают его же лицемерные **родственники**». «Если проступок подлого Кодара в глазах чужих людей ложится черным пятном на одного меня, то в глазах наших **родственников** его позор ляжет на нас с вами». «У Жанпеиса не было ни семьи, ни крова, ни близких **родных**, ни детей — бедняга не знал всю жизнь, что такое сытость и достаток. Прежде, когда был жив сын, было не так, сын хотел кочевать: «Что мы **безродные** жатаки, что ли?» — говорил он [Кодар]. Понятие

«жатаки» обозначает «род бедных».

Следует отметить особый статус женщины в казахском обществе. Являясь матерью большого семейства, она имеет гораздо больший авторитет, чем глава семейства — мужчина. Не случайно в тексте М. Ауезова упоминается «Большая юрта бабушки Зере» как главное жилище старшей в роду, воспитывающей не только своих детей и внуков, но и детей и внуков своей родни. Образ Улжан — матери Абая — сопровождается определением «досточтимая»: «Здесь располагалась **Большая юрта бабушки Зере и родной матери Абая — досточтимой Улжан**». «Улжан, **родная мать** Абая, истосковавшись по сыну, считала дни с тех самых пор, как Байтас-сэре был отправлен за ним в город».

Особый интерес вызывает обозначение родственных отношений лексемой «печень» («бауыр»). Печень в представлении казахов — именно тот орган, который ассоциируется с родственными чувствами, «переживает» и «болит» за родственников. Поэтому в тексте наряду со словом «родня» употребляется слово «печень»: «Если кто-нибудь считает его **родней, печенью** своей драгоценной — пусть у того лопнет эта **печень!**», «О, родной мой! О, **бауырым** Кодар!»

2. **Родословная от родового имени.** Казахское родословие связано с родовым именем, функцией которого являлось сохранение памяти об общем прародителе. По мнению казахского исследователя Ч. Валиханова, родоначальник «знает всю генеалогию своего рода и, чтобы быть благовоспитанным и порядочным человеком, усердно изучает народное право под руководством старого бия, пользующегося в народе репутацией, юридическую известностью, и совершенствуется в красноречии, приобретая на память множество поговорок, пословиц, забавных анекдотов и употребляя их для украшения своих речей» [2, с. 210]. Родословная (шежіре) устанавливалась по мужской линии происхождения, уходящей далеко в глубь истории. Наименование каждого рода давалось по нескольким признакам:

- по количественным показателям (например, происхождение названия «найман» связано со значением «восемь родов») [4, с. 73];
- по географическому расположению рода («кыпчаки» — «дикая, пустынная, безлюдная степь») [4, с. 71];
- по внешним признакам основных представителей рода («керей» означает «черный») [4, с. 72] и др.

В вопросе о происхождении этнонимов нет единого мнения. Например, имя «Аргын» объясняется по-разному: «Бай-аргын» или «улул ергин» — суть одно и то же, означающее «великий аргын» (м. б. «великий богатырь-муж» (ер, ар) среди гуннов?» пер.); «аргыны Среднего жуза являются потомками ойрат Аргын аги, как называет его в своей «Родословной» хан Абулгази» [4, с. 76—77]. Это можно объяснить тем, что родословная казахских племенных союзов передавалась в устной форме из поколения в поколение.

Последняя родословная казахского народа состояла «из многочисленных родов и племен, делящихся на три (Старший, Средний и Младший) жуза (орды). «Жузы» в исторической литературе часто называются «ордами», хотя слово «жуз» самими казахами никогда не заменялось словом «орда» [1, с. 10—11]. Понятие «жуз» в переводе с казахского означает «сотня», что может быть свидетельством многочисленности родов и племен, входящих в его состав. В романе М. Ауезова «Путь Абая» прослеживается жизнь разных родов и поколений Среднего жуза: «Но если опора на свой сильный и богатый **род Тобыкты** давала Кунанбаю преимущество, это же обстоятельство приносило слабину в его властное положение». «Но гнетущее молчание как-то само собою прошло, и вскоре начался ожидаемый разговор, ради которого Кунанбай призвал **родовых старшин**». «Не могло обойтись без вмешательства не менее лицемерных **старшин ближайших родов**». «Однако то, что на этот раз выдвинул Кунанбай перед **старшинами родов**, не позволяло им ни отмолчаться, не высказать хоть какое-нибудь мнение». «Но если опора на свой сильный и богатый **род Тобыкты** давала Кунанбаю преимущества, это же обстоятельство приносило слабину в его властное положение. Этими крыльями и хвостом для него являются главы других, кроме Иргизбая, родов — старшины Байсал и Божей, оба примерно ровесники ему. И все же, хоть он и возглавлял Иргизбай, самый богатый **род в Тобыкты**, большое влияние на дела округа имели и властители других родов, представленные пятью-шестью присутствующими здесь баями и аткаминерами» («атқамінер» в переводе с казахского «всадники»). «Похоже, **род Жигитек**,

не подготовившись, как следует к отражению врага, попал в военную ловушку». «Из всех аулов более зажиточными выглядели аулы Суюндика и Сугира, что из **рода Бокенши**, и караваны Жексена, из **рода Борсак**».

Как показывают примеры, в компоненте «родословная от родового имени» отражается этническая принадлежность более крупных родов, каждый из которых сопровождается определенным наименованием по имени старшего или предка в племени.

3. **Племя, община.** Появлению казахских родов предшествовали соединения различных племенных групп, которые впоследствии стали основой единства и целостности казахского народа. Многочисленные племенные и общинные связи складывались по традиции кровного генеалогического родства. Малые по численности племена и общины объединялись в более крупные социальные группы, известные как род (руы). В романе представлено описание разных родов: «**Род Иргизбай** вырос и окреп...». «**Род** этот носит прозвище «Табун длинногривого айгыра» — из-за своей плодовитости и многочисленности соплеменников». «И сам он привечал только некоторых, немногих, родичей из Бокенши да из Борик, в своем племени он был теперь уже из числа последних в **роду**». «Всех убедил Кунанбай в том, что сплоченность и единение — основа **родового благополучия**». «Распустив по зимникам все свои аулы, Кунанбай решил воспользоваться этим временем всеобщих напряженных хлопот по устройству быта — у всех **родов, зимующих на Чингизе**». «Ужасные барымтачи — это те же казахи из соседних **родов**, и если на вид отличаются от других, так только ветхостью бродяжнической одежды да убожеством конской сбруи». «Однако отсутствие в достаточном количестве лошадей объяснялось только лишь бедностью **кочующих родов**». «Находившиеся здесь пять—шесть человек были **аткаминерами разных родов**, и пришли в ага-султану, чтобы разрешить спорные дела многих сотен своих соплеменников». «Род хотя и небольшой, но искони находится в добрых отношениях с широким кругом племен степного народа и уважаем в этом кругу». «**Общинная деятельность** и расторопность именно этих, присутствующих на совете, аткаминеров служили примером для множества других правителей **родов и племен**, а также всех белобородых и чернобородых — аксакалов и карасакалов — бесчисленных аулов».
4. **Родовой знак, клеймо, тавро, тамга.** Основные роды и племена имели свою общеплеменную тамгу (родовой фамильный знак, тавро, клеймо, печать), которую затем заимствовали потомки, дополняли новыми элементами либо видоизменяли ее. Эти разные по форме знаки (в виде геометрических фигур, птиц и животных, орудий труда, бытовых предметов и др.) накладывались на особую для каждого рода часть тела животных. В романе М. Ауезова дано описание казахской тамги, принадлежащей Среднему жузу: «Еще вчера Карабас показывал тавра на лошадях и разъяснял суть тавроклеяния, а сегодня Абай сам обходил двор, рассматривая на каждой лошади, привязанной к столбикам, ее родовое клеймо. Он теперь узнавал их: кони с тавром в два кругляшка, называемым «глаза», принадлежат родам Аргын и Бошан. А клейма в виде «рогатины» — на лошадях рода Керей. А вот тавро, называемое «черпак», — это на лошадях рода Найман... Абаю хотелось пройтись по всему двору, читая тавровые знаки на конских крупах, но тут родственники позвали его и стали сами входить в дом». В данном случае концепт «род» смыкается с представлением о родовых знаках Аргынов, Кереев, Найманов как наиболее многочисленных племен Среднего жуза.
5. **Родина, земля, место рождения.** Главный признак родной земли в представлении казахов — степь, поэтому родина ассоциируется с бесконечным и открытым пространством, где располагались аулы и села со своим хозяйством. Каждый аул назывался по имени старейшины рода. Так, в романе встречаем: «Но, вырвавшись из пыльного города, наконец-то избавившись от скуки медресе, Абай неудержимо рвался к **родному аулу**, который был недалече, звал его. Это и **родной аул** мальчика, и **поселения** самых близких родственников». «Ему [Абаю] хотелось широко развести руки, нежно обнять **породившую его землю**, и погладить, и поцеловать...». «Ему вовсе не надо было бояться каких-то там воров и конокрадов, потому что он любил **родной край**...». «Снова пустив лошадь в отчаянный галоп, он готов был один ускакать к **родному аулу**». «Всем было ясно, что на **родные пределы Чингиза** надвинулись страшные события». «Жил своей семьей, в ладу с **родной степью**, довольствовался малым, пил свой айран». В подобных контекстах раскрывается концептуальный признак родины, основу которой составляют степь-мать (жер-ана),

раскинутый в степи аул, степь-пространство кочующих племен (кең дала).

6. **Родной язык, родные песни.** Этнический компонент «родной язык и родные песни» связан с домброй. В легенде о золотой домбре говорится о том, как в стародавние времена «жил на свете старый музыкант, хранивший в памяти историю всех девяти ответвлений (тоғыз тарау) нашего народа. Дожив до глубокой старости и чувствуя приближение конца своего, он собрал всех сородичей и сказал им: в памяти моей вся история тоғыз тарау, пересказывал ее как мог с помощью моей такой же старой, как я сам, домбры, не уносить же теперь ее в могилу. Решайте, как мне поступить на склоне лет...». Посоветовавшись, родственники решили сохранить «историю тоғыз тарау в корпусе домбры старого музыканта. Но она имела полный гриф и могла через него выпустить всю историю. Тогда вместе прикрепили на гриф девять навязных ладов по количеству девяти ответвлений народа, а в честь старого музыканта натянули на деке его инструмента вторую струну» [3, с. 243]. Из сказанного можно сделать заключение о том, что домбра — это хранительница истории народа, метафорически, — это и есть родной язык, родные степные песни. В романе М. Ауезова сущность родного языка и родной песни также раскрывается через домбру: «Не потому ли, что был до глубины сердца доходчив и понятен **родной язык**, и жизнь героев так знакома и близка, и звучание домбры, то поднимающее мелодию на недостижимую высь, то растекающееся по просторам степей рокотом струи, то спокойно затихающее, то вновь возносящееся в страстном порыве, — не от живого ли голоса домбры Абая представляется, что невозможно услышать человеку что-нибудь более прекрасное, чем то, что услышал он в пении и музыке Барласа и Байконши». «С самого малого возраста Абай любил слушать эту песню, засыпал под нее, и она была для него такою же **родной** и любимой, как сама бабушка». «За это время мальчик (Абай) сердечно подружился с ними (акынами), почувствовал в них **родных людей**, ни на минуту не хотел с ними расставаться и даже стал укладываться спать рядом со старым акыном Барласом».

Таким образом, анализ этнических константов показал, что это один из аспектов познания глубинной структуры концептов, в которой содержится компонент, отражающий особенности национальной ментальности народа.

Список литературы:

1. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка: учебное пособие. — 2-е изд., доп. — Алматы: Санат, 1997. — 608 с.
2. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — Т. 1, Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. — 777 с.
3. Джанибеков У. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. — Алма-Ата: Өнер, 1990. — 304 с.
4. Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Пер. Б. Каирбекова. — Алма-Ата: СП Дастан, 1990. — 120 с.
5. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике; учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с.
6. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение.: учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
7. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие; изд. 2-е, испр. и доп. — Кемерово: КемГУКИ, 2011. — 106 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Монография. — Воронеж, 2006. — 226 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.